

СИСТЕМА ИНТЕРАКТИВНЫХ МЕНАСИВНЫХ КООРДИНАТ

О. В. Новосёлова

Тверская государственная аграрная академия (Россия, Тверь)

Реферат. Структурирование физического (топономического) и психологического пространства дискурсивных практик со значением угрозы при помощи системы интерактивных координат базируется на эмоционально-оценочных конструктах. Система интерактивных координат выполняет коммуникативно-прагматическую функцию и определяет топоному как коммуникативно-интерактивнозначимое местоположение.

Ключевые слова: интерактивное пространство, интерактивная система координат, телесность, коммуникативный конструкт, аффект, комфорт, топонома.

В период глобализации и информатизации **человек воспринимается как целостная система**, которая **передает и воспринимает** (реагирует на) **информацию всем своим телом в виде определенных сигналов** [1]. Поэтому сам процесс коммуникации или коммуникативного обмена есть своего рода **технология непрерывного взаимодействия** человека с окружающим его миром, реализующаяся в виде последовательности и особенностей его знакового (вербального и невербального) поведения, действий и состояний при передаче, обмене, получении, переработке и сохранении информации [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8], что свидетельствует о пространственном координировании интерактивного обмена.

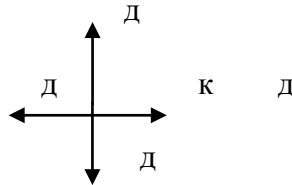
Это означает, что и мышление (внутренняя речь), и диалог (внешняя речь) существуют как бы в «подсознательном поле зрения», в котором участники бессловесной (визуальной) и обыденной интеракции постоянно координируют свое тело [5, с. 96]. Подобное координирование осуществляется в двух неразделимых пространствах: физическом и психологическом, где **физическое пространство** есть пространство реального бытия, частью которого является сам человек и в пространстве которого он себя реализует, а **психологическое пространство** суть пространство реализации человеком своей сферы деятельности в тех или иных её разновидностях и проявлениях [5, с. 15; 9, с. 88].

Включение «человека телесного» в социокультурное пространство его жизнедеятельности влечет за собой существенные изменения для его тела, превращающегося из биологического феномена в явление социокультурное, приобретающего, в дополнение к своим природнозаданным атрибутам, конкретные свойства и характеристики, порожденные социальными и культурными воздействиями. В наибольшей степени этот факт становится явственным при сравнительном анализе последствий тех влияний, которые оказывают на человеческое тело различные по своему характеру системы социальных отношений, культурных ценностей и т.д. [9, с. 11; 10]. Другими словами, категория «телесности» характеризуется физическими, социальными и психологическими чертами, между которыми существует тесная связь [9, с. 10], поэтому изучение телесности, означивания тела, отношения к нему и его использования в социо-психо-эмоциональном менасивном пространстве интерактивного взаимодействия является целью настоящего исследования.

В этом плане значительный интерес для исследования представляет собой интерактивное пространство дискурсивных практик со значением угрозы, в которых вербально отображается координатная расположенность телесного пространства Я-партеров по общению. Изменения физического и социо-психо-эмоционального пространства Я-адресанта и Я-адресата угрозы маркируются определенными

языковыми средствами, например, существительными с предлогами: «*В Волгу его!*»; глаголами: «*Всех не-ре-ве-шаю!*». При этом важно учитывать, что адресат угрозы в нормальных условиях реальной коммуникации способен интерпретировать изменения физического и социо-психо-эмоционального пространства Я на основе анализа языковых средств поверхностной манифестации практик-угроз [11; 12; 13].

Подход к анализу дискурсивных практик со значением угрозы, *погруженных* (помещенных, включенных) в систему интерактивных координат вертикали и горизонтали Я-партнеров по общению, а также в систему социо-психо-эмоциональных аффицированных координат предполагает, что для измерения и отображения *топономы*, т.е. коммуникативно-интерактивнозначимого местоположения Я каждого из участников диалогического обмена можно воспользоваться следующей координатной системой: Д – К – Д, где К – точка отсчета, ноль, исходное положение, обозначающее начальные координаты собеседников (т.е. существующие до практик-угроз), Д – точка соответствующая дискомфорту эмоциональному состоянию; стрелками → обозначены направления изменения коммуникативного пространства собеседников:

Важно отметить, что в рамках данного исследования под горизонтальными топономическими перемещениями понимаются как представляемые в ментальном пространстве физические перемещения корпоральности Я-адресата и Я-адресанта угрозы параллельные плоскости горизонта; вертикальным топономическими перемещениями являются представляемые в ментальном пространстве физические движения Я-адресата и Я-адресанта угрозы, составляющие с горизонтальной плоскостью прямой угол; вертикальные *социо-психо-эмоциональные* перемещения представляют собой иерархические движения, как правило, от комфортного эмоционального состояния к аффицированному состоянию или дискомфорту.

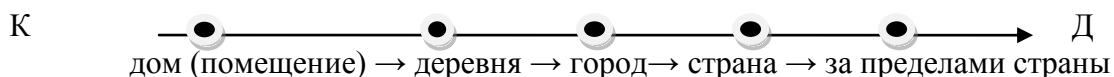
В рассматриваемом случае «аффицирование», по Э. Гуссерлю, не связано в обязательном порядке только с эмоциями и не сводится только к сфере аффекта, а трактуется как «возбуждение соразмерное сознанию, специфическое притяжение, которое сознаваемый предмет оказывает на Я». При этом подчёркивается, что обычно «аффицирование означает простой *факт ощущения эффекта*, вызванного чем-либо, причем неважно, относится ли в силу этого данный эффект к аффективному или когнитивному порядку» [14, с. 133]. В этой связи А. С. Козырева обращает внимание на то, что аффицирование обозначает в определенном смысле «качественный аспект импрессиональной сферы сознания, которому всегда соответствует тот или иной уровень силы воздействия, благодаря которой выделяются на фоне остальных наиболее сильные впечатления.

Воспринимая различные практики-угрозы повседневной интеракции, собеседники «проецируют» свой индивидуальный опыт на их информационно-коммуникационные свойства, так как человек является «отправной точкой всех своих проявлений и конечной точкой всех своих восприятий» [15]. Другими словами, система таких определенных (конфигурационных) признаков или топономических координат представляет собой, если можно так выразиться, систему интерактивных координат, которые проникают («внедряются») в ментальное пространство («ментальное вместилище» или подсознание) человека не сразу, а в определенной последовательности или очередности [5].

Структурирование физического (топономического) и психологического пространства дискурсивных практик со значением угрозы при помощи системы интерактивных координат базируется на системе шкал и оценок, передающих эмоциональные переживания собеседников, или эмоционально-оценочных конструктов. Так, при рассмотрении указанного класса дискурсивных практик со значением угрозы, связанных с изменениями *интерактивных координат*, нахождение коммуниканта в точке **К** и возможность самостоятельно (без принуждения, каузирования) со стороны собеседника изменять свое местоположение, говорит о его комфортном эмоциональном состоянии. Также важно учесть, что изменения координат топономического пространства порождают изменения психологического пространства (*социо-психо-эмоциональных координат*), при этом отмечается следующее: чем дальше от центральной точки **К** (по вертикали или горизонтали) находится проекция эмоционального состояния *Я*-партнера по общению, тем в более некомфортном аффицированном состоянии он находится.

Как правило, автор угрозы для успешной каузации адресата совершить какие-либо действия декларирует (называет) такое возможное изменение топономических координат, которое способно ввести *Я*-адресата в некомфортное эмоциональное состояние. При этом адресат угрозы переносит указанные возможные изменения в свою систему координат и оценивает их воздействие на эмоциональное состояние *Я* в соответствии приведенной выше системе координат.

Так, например, на минимальное изменение *горизонтальных координат Я*-слушающего могут указывать вербальные конструкции со значением угрозы, содержащие намерение говорящего выгнать, выставить слушающего из такого локуса (точки на) горизонтальной оси интерактивных координат как «дом», ср.: «*Да я тебя, мерзавца, из дому выгоню... на мороз, в степь... в поле!*»; «*Ну так не смей после этого домой возвращаться*» (см. ниже схему 1:

Правее от локуса «дом», если двигаться по линии горизонтальной протяженности конструкта, находятся локусы «деревня», «город», «страна», «за пределами страны» (то есть, «ещё дальше»), ср.: «*А этого твоего Саню мы просто выселим из деревни, и все...*»; «*Я вас каленым железом **выжгу из города***»; «*Знаете ли, что он женится на моей дочери, что я сам буду вельможа, что я в самую **Сибирь законопачу?***»; «*Пусть только пикнут, я в пять минут **вышвырну их за пределы России...***».

Высокая частотность конструкций со значением угрозы (64,6% от общего количества примеров, связанных с горизонтальными перемещениями), содержащих указание на минимальное изменение горизонтального пространства *Я*-адресата (вынужденное движение, перемещение из локуса «дом»), может быть объяснена тем, что адресант с помощью указанных конструкций не только изменяет физическое пространство *Я*-адресата угрозы и тем самым стремится оказать аффицированное воздействие на его эмоциональное состояние, но он также способен физически проконтролировать выполнение заявленных, каузируемых, являющихся непосредственной причиной действий.

Анализируемый материал показал, что вертикальные изменения коммуникативного пространства с физическим перемещением «сверху – вниз» *Я*-адресата угрозы, как правило, маркируются вербальными декларациями автора угрозы свести его до интенсивной точки аффицированного «ничто», например, утопить собеседника в воде, ср.: «*Не то вон – **башкой в реку!***»; «***В Алай-реку намерены!***»; откуда-либо скинуть *Я*-адресата, спустить, закопать его или втоптать в землю, ср.: «*А с*

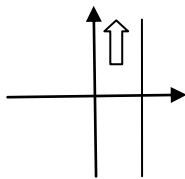
колокольни ты не летал?..»; *«Всех на карачки поставлю, кровь цедить буду!»*. Заслуживают особого внимание использование в ситуации угрозы таких конструкций, которые также приводят к изменению вертикальных коммуникативных координат адресата угрозы «сверху – вниз», указывая и определяя конкретный локус его «аффицированного ничто»: *«Они у меня в ногах будут валяться!»*; *«Бога бойтесь!»*. Изменение интерактивных вертикальных координат адресата угрозы «снизу – вверх» связано с декларированием автора угрозы повесить, вздернуть собеседника, например, *«Мы тебя самого вздернем!»*; *«Мотри, живо на осине закачаешься!..»*.

Анализ эмпирического материала показывает, что дискурсивные практики со значением угрозы, содержащие указание на изменение топономических координат вертикали Я-адресата угрозы «сверху – вниз», составляют 64,7 процентов от общего количества рассмотренных дискурсивных практик, связанных с изменением координат вертикали. Подобный факт может быть объяснен тем, что физическое вертикальное движение «снизу – вверх», как показывают примеры, не является причиной появления аффицированного состояния Я-адресата угрозы, а становится причиной прекращения существования телесности Я-адресата угрозы.

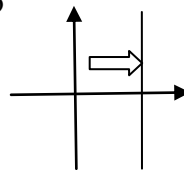
Особняком среди рассмотренных выше дискурсивных практик стоят конструкции со значением угрозы, в которых указаны нечетко локализованные топономические координаты изменения коммуникативного пространства Я-адресата. Ср.: *«Загонят тебя, куда ворон костей не тащала»*; *«Ну, собирайся живее, а то погоню тебя к черту, инюгу найду грамотея!»*. Кроме того, указание на ограничение коммуникативного пространства собеседника может явиться причиной появления его дискомфорта, ср.: *«Я тебя в сумасшедший дом засажу, порадуешься там!»*; *«Или одной тюрьмы вам еще мало»*.

Представляют особый интерес практики-угрозы, связанные одновременно с изменением топономических координат собеседников по одной из представленных осей координат и ограничением коммуникативного пространства. Так, в конструкции *«Во будет «держава», когда тебя закуют в кайдалы да повесят!»* имеет место ограничение интерактивного пространства с последующим вертикальным изменением координат адресата угрозы (см. ниже схему 2а, где линией «без стрелки» обозначено ограничение коммуникативного пространства Я-адресата угрозы). В конструкции *«Возьму в охапку, завяжу узлом да и отнесу под мышкой домой, под замок!»* идет речь об ограничении интерактивного пространства адресата угрозы с последующим горизонтальным изменением его координат (см. ниже схему 2б).

2а

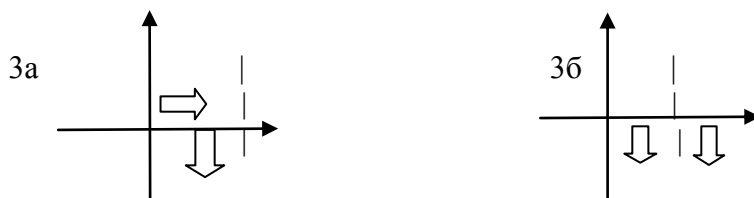
2б

На основе анализа эмпирического материала выявлены дискурсивные практики-угрозы, содержащие указание не только на изменения топономических координат горизонтали и вертикали Я-собеседников (и как следствие психологических), но и указывающие на определенные изменения в системе социально-ролевых отношений между собеседниками, т.е. наблюдается своеобразное наложение систем пространственно-социальных координат партеров по общению. Например, в высказывании *«Сегодня же у меня отправишься в управление»* автор декларирует изменение горизонтальных координат собеседника, что отражено в поверхностной манифестации. Однако подобное изменение координат адресата содержит имплицитное указание на возможность применения санкций по отношению к нему со стороны лиц с более высоким социальным статусом («сверху – вниз»). Следующие реплики также

характеризуються накладенням систем комунікативних горизонтальних і соціальних координат партерів по общению: «*И последний раз перед всеми обещаю, что если и дальше так будет, то не посмотрю я на то, что хороший боец ты и товарищ, а выгоню из отряда!*»; «*Вези без разговору, а то из колхоза **вышибем в два счета!***» (см. ниже схему 3а, где пунктирной линией обозначена вертикальная ось социальных координат адресата угрозы).

Высказывание со значением угрозы «*До рождества без отпуска, а если еще повторится, то выдерем и **вышвырнем из училища***» представляет собой наложение вертикальной координатной оси и социальной (см. ниже схему 3б).

Как показывает схема выше, направление изменения топономических и социальных координат может либо совпадать, либо различаться, но любой из представленных примеров вводит Я-адресата в некомфортное аффицированное эмоциональное состояние.

Анализ дискурсивных практик со значением угрозы как действий когнитивного агента или «перемещений» его корпоральности (телесных форм поведения, габитуса) показывает, что в условиях реальной коммуникации наиболее часто употребляемыми являются практики-угрозы, связанные с изменением коммуникативных топономических координат вертикаль Я-адресата, так как данные практики вводят Я-адресата угрозы в состояние наиболее близкое к дискомфорту (как правило, декларируют прекращение существования телесности адресата), чем практики-угрозы, направленные на горизонтальные изменения координат Я-собеседников. Кроме того, вертикальное перемещение собеседника «сверху – вниз» потребует со стороны автора угрозы наименьших физических усилий, в случае отказа адресата от выполнения каузируемых действий. Низкая частотность перемещения Я в горизонтальном пространстве обусловлена тем, что в случае с горизонтальными перемещениями Я-адресата угрозы у автора сообщения только в ситуации с перемещением из локуса «дом» имеется физическая возможность проконтролировать адресата, что и является необходимым функциональным условием реализации угрозы (ср. перемещения из локуса «город» или «за пределы страны»).

Таким образом, в настоящем исследовании определена система интерактивных менасивных координат, выполняющая коммуникативно-прагматическую функцию, и топонома как коммуникативно-интерактивнозначимое местоположение. Однако, несмотря на современный уровень знаний о теле и психологии человека, сама сущность телесности (корпоральности) до сих пор прояснена не в полной мере [5, с. 25] и прагматическая топономия дискурсивных практик различной иллокутивной направленности с учётом полной картины описания параметров телесности является в настоящее время актуальной проблемой, требующей комплексного подхода для дальнейших исследований.

РЕЗЮМЕ

Структурування фізичного (топономічного) і психологічного простору дискурсивних практик зі значенням загрози за допомогою системи інтерактивних координат базується на емоційно-оцінних конструктах. Система інтерактивних координат виконує комунікативно-прагматичну функцію і визначає топонім як комунікативно-інтерактивнозначиме місце розташування.

Ключові слова: інтерактивний простір, інтерактивна система координат, тілесність, комунікативний конструкт, афект, комфорт, топонома.

SUMMARY

Structuring of the physical and psychological space of discursive threat-practices in a form of interactive coordinate system based on emotional-evaluative constructs. The communicative coordinate system of this research has a pragmatic function and can help to study interactive space and discursive toponomy of threat-practices.

Key words: interactive space, interactive coordinate system, corporal space, communicative construct, affect, comfort, toponomy.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Матурана, У. Биология познания [Текст] / У. Матурана // Язык и интеллект. – М. : Прогресс, 1995. – С. 95–142.
2. Бодалев, А. А. Восприятие и понимание человека человеком [Текст] / А. А. Бодалев. – М. : Наука, 1982. – 280 с.
3. Вацлавик, П. Психология межличностных коммуникаций [Текст] / П. Вацлавик, Д. Бивин, Д. Джексон. – СПб. : «Речь», 2000. – 300 с.
3. Романов, А. А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения [Текст] / А. А. Романов. – М. : Институт языкознания АН СССР, 1988. – 83 с.
4. Романов, А. А. Психосемиотика визуальной коммуникации в соматографическом пространстве [Текст] / А.А. Романов, Ю. А. Сорокин // Соматикон: Аспекты невербальной коммуникации. – М. : 2004. – С. 1–158.
5. Романов, А. А. Притяжение перформатива. Очерки по теории перформативности от Дж.Л. Остина до наших дней [Текст] / А. А. Романов, Л. А. Романова. – Москва-Тверь : Ин-т языкознания РАН, 2009. – 156 с.
6. Романова, Л. А. Конструктивная семантика криптокласса английских прилагательных размера в диахронии и синхронии [Текст] / Л.А. Романова. – М. : Ин-т языкознания РАН, 2007. – 120 с.
7. Романова, Л. А. Структурно-семантические аспекты композитных перформативов в функциональной парадигме языка [Текст] / Л. А. Романова. – М. : Ин-т языкознания РАН, 2009. – 180 с.
8. Романов, А. А. Вербо- и психосоматика телесного бытия человека [Текст] / А. А. Романов, Ю.А. Сорокин // Вербо- и психосоматика: две карты человеческого тела. — М. : Институт языкознания РАН, 2008. – С. 1—144.
9. Джерджен, К. Дж. Социальный конструкционизм: знание и практика [Текст] / К. Дж. Джерджен. – Минск, 2003. – 232 с.
10. Новоселова, О. В. Прагматическая топономия дискурсивных практик-угроз [Текст] / О. В. Новоселова, А.А. Романов // Язык – когниция – социум : тезисы докл. Междунар. науч. конф., Минск, 12–13 ноября. – Минск : МГЛУ, 2012. – С. 234—236.
11. Романов, А. А. Топономия психологического пространства вербальных практик-угроз [Текст] / А. А. Романов, О. В. Новоселова // Вестник Тверского Государственного Университета. Серия: Педагогика и психология. — 2013. — № 2. – С. 20—32.
12. Романов, А. А. Дискурсивная топонимия практик-угроз [Электронный ресурс] / А. А. Романов, О. В. Новоселова. – Режим доступа : http://tverlingua.ru/archive/028/07_28.pdf. — Загл. с экрана.
13. Козырева, А. С. Интенсивность аффективной силы между воспоминанием и повторением в феноменологии Э. Гуссерля [Текст] / А. С. Козырева // Вопросы философии. — 2012. — № 6. – С. 131—138.
14. Волконский, С. М. Выразительный человек. Сценическое воспитание жеста (по Дельсартру) [Текст] / С. М. Волконский. – СПб., 1913. – 118 с.

Надійшла до редакції 17.10.2013 р.